

УДК. 323.2

В. А. Глухих

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

С. М. Елисеев

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Посвящено проблеме влияния революции на легитимность власти. Революции в Новое время стали синонимом легитимного способа свержения существующей власти народом. Если в предшествующие исторические эпохи в политике отрицалось право народа на бунты и восстания, то современная политика признает право народа на революцию. Без признания этого права революция лишается не только доказательства ее закономерного характера, но и доверия к институтам власти, которые возникают в процессе ее осуществления.

Революция, легитимность, власть, режим, доверие, порядок

«Если ученый бессилён предотвратить Революцию, то, по крайней мере, он должен пользоваться современными, исключительно благоприятными условиями ее изучения. Это важно теоретически... Это важно и практически: более глубокое познание Революции может помочь выработке и более целесообразного практического отношения к ней...»

П. Сорокин

Революции уже на протяжении более двухсот лет определяют политическую жизнь современного общества. И в течение всего этого периода в центре внимания ученых находятся проблемы законности революций, легитимности свержения старой власти и установления нового политического господства. Динамика дискуссий то возрастает, то падает, но острота дискуссий по проблемам принципов, правил и норм легитимации власти в революционный период не становится менее острой. В сущности любая революция включает в себя процессы делегитимации и низвержения одной системы политического господства и легитимации и утверждения новой. А когда речь идет о власти, объективный и независимый анализ причин, результатов, социальных и политических последствий революции осуществить достаточно сложно, поскольку он становится частью реальной политики, затрагивающей интересы господствующих групп. Поэтому любая революция порождает множество оценок и дискурсов, которые становятся частью реальной политики.

Понятие «революция» в современном политическом дискурсе скрывает за собой не только сложные реалии, но и альтернативные политические позиции. Назвать нечто революцией в большинстве современных западных дискурсах означает оценить это как «хорошее» или «плохое». Разногласия по поводу правильного определения революции чаще всего касаются двух ее измерений: объективных предпосылок и результатов. В подтверждение сказанному достаточно вспомнить оценки объективных предпосылок и результатов Французской революции 1789 г., данные двумя современниками – Э. Берком и А. де Токвилем.

Первый был убежденным противником революции. Берк считал революционный путь отнюдь не необходимым и уж тем более не закономерным для Франции. Для того чтобы

доказать жизнеспособность династии Бурбонов, он использовал социально-экономические параметры. Он вовсе не идеализирует Старый порядок. В «Размышлениях» он также выявляет и его недостатки, к главным из которых можно отнести несовершенство системы налогообложения и чрезмерные полномочия французского монарха, несовместимые с законом и свободой. Но все недостатки, по его мнению, вполне можно было бы устранить реформами, не разрушая государственного и общественного устройства. Более того, мыслитель доказывает, что политика реформ действительно велась при Людовике XVI, которому Берк дал весьма лестную характеристику [1, с. 23]. Итак, мы видим, что Берк не находит объективных причин для революции.

А. де Токвиль считал, что революция была не случайным, а закономерным событием. Он признавал, что Французская революция застала мир врасплох, «но, тем не менее, она явилась лишь продолжением более долгой работы, внезапным и насильственным окончанием творения, над которым трудились десять поколений. Если бы она не свершилась, то старая социальная постройка все равно бы повсеместно рухнула, тут раньше, там позже; просто она обваливалась бы частями, вместо того, чтобы упасть разом» [2, с. 29].

Современные революции как социальное явление привлекают к себе пристальное внимание различных социальных наук. Устойчивый интерес ученых к исследованию революций можно объяснить тем обстоятельством, что наука ни в XIX, ни в XXI в. не способна их предвидеть. Ни Французская революция, ни революции 1848 г. в Европе, ни Иранская революция, ни «Цветные революции» учеными не были предсказаны. Революции с трудом поддаются теоретическому осмыслению. Достаточно напомнить, что до сих пор нет общей теории революции. Есть несколько конкурирующих друг с другом концепций, хотя в социологии еще в 1920–1930 гг. сложилось целое научное направление – социология революций, связанное с изучением социальных предпосылок, причин и последствий революций.

У истоков социологии революций стоял известный социолог П. Сорокин. В 1925 г. ученый издал в США книгу «Социология революции», к написанию которой приступил еще в 1923 г. Книга имела большой успех и была переведена на несколько языков. В 1998 г. она была издана на русском языке [3].

Сорокин исследовал феномен революций с бихевиористских позиций. Согласно его теории причиной революционного поведения людей является длительное подавление базовых человеческих потребностей и инстинктов. Сорокин выделил несколько ключевых причин возникновения революционных ситуаций: голод, подавление импульсов собственности и свободы, подавление инстинкта самосохранения и других человеческих инстинктов. Катализатором, ускоряющим возникновение революционной ситуации, ученый считал дезорганизацию власти и социального контроля.

Идеи Сорокина получили развитие у следующих поколений исследователей, в частности, в психологических теориях революций, которые гораздо меньше внимания уделяют области поведенческих рефлексов или базовых (фундаментальных) инстинктов и концентрируются на проблеме комплексных мотивационных ориентаций. Неудивительно, что эти идеи приобрели большую популярность, и сейчас их можно считать наиболее разработанными из всех подходов. Самая влиятельная теория предложена Дж. Дэвисом [4] и Т. Р. Гарром [5] и носит название «относительной депривации». Согласно теории Дэвиса революция происходит не из-за абсолютного обнищания масс, а в периоды их относительного обнищания.

Революции происходят тогда, когда наблюдается некоторое улучшение условий жизни людей. Когда стандарты жизни начинают расти, уровень ожиданий тоже возрастает. Если же

улучшение фактических жизненных условий замедляется, создаются предпосылки к возмущению, поскольку растущие ожидания не сбываются. В рамках такого подхода социальный протест, как и его крайняя форма – революция, происходит обычно в условиях некоторого улучшения жизни людей. Протест вызывают не абсолютные, а относительные лишения (относительная депривация); значимым оказывается противоречие между жизнью, которую люди вынуждены вести, и их представлением о том, чего они могли бы достичь.

Схожую позицию высказывает английский социолог Р. Дарендорф, который вслед за марксистами считал, что «революции происходят, когда не остается другого выхода», однако оспаривал марксистский подход, в соответствии с которым революционный взрыв происходит в тот момент, когда условия жизни угнетенных масс достигают нижней точки. «На деле это не так. Те, кто терпит самую сильную нужду, становятся скорее апатичными, чем активными, и беспросветный гнет порождает великое безмолвие при всех тираниях. Взрывы происходят, когда налицо какие-нибудь незначительные перемены – искра надежды, искра раздражения – чаще всего при признаках слабости власть имущих, намеках на политическую реформу» [6, с. 14].

В западном политическом дискурсе не раз высказывалась позиция, согласно которой революции есть феномен Нового времени, и революций не было до XVII или XVIII в. Эта позиция представлена в работе Х. Арендт «О революции». По ее мнению, восстания происходили во все времена, но эти восстания были лишь сопротивлением, направленным против конкретных правителей, а не революцией, потому что революция – это уничтожение всей исторически сложившейся системы политического господства.

Здесь важно отметить следующий момент. Восстание или переворот имели целью захват существующей системы политической власти, а подлинная революция утверждает принцип, согласно которому над народом нет власти людей, находящихся вне его [7, с. 58]. Есть только власть закона, а не людей. Высшая инстанция, подлинный авторитет – это закон, и разделение народа на правящих и тех, кем правят, больше не должно существовать. В этом смысл постулатов «все равны перед законом», «закон есть авторитет, который должен определять поступки гражданина».

В определенный момент революция сама становится законом и сама определяет, какие действия являются законными, а какие нет. В этот момент начинается процесс кристаллизации власти и легитимации господства. Начинается процесс торможения революции. Если до этого момента все действия признаются в качестве революционных, то теперь происходит их дифференциация на революционные, т. е. законные, и контрреволюционные, т. е. незаконные. Тем самым закладываются основы нового порядка, ибо хаос революции не может продолжаться в течение длительного времени.

Революция утверждает принципиально новый взгляд на политику и власть. Политика есть развивающееся явление. Если при старом порядке занятия политикой были уделом немногих, свободных, избранных, наследующих право на эту деятельность согласно Божьей воле, то революция разрушает этот порядок и утверждает новый, согласно которому все являются свободными и имеют право участвовать в политике независимо от своего происхождения и сферы деятельности. В результате сфера политики существенно расширилась за счет включения в нее громадного большинства, до того лишённого права на участие в политике. Этот новый порядок большинством общества воспринимается как более близкий к идеалу, чем старый.

Несмотря на все споры и разногласия в вопросах о революции, в науке сложился определенный консенсус относительно ее характерных черт.

Революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют фундаментальные переломы в исторических процессах и преобразуют человеческое общество. От других форм социальных изменений революции отличаются шестью особенностями:

1. Они затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную организацию, повседневную жизнь индивидов.

2. Во всех этих сферах революционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функционирования общества. Согласно этому принципу люди, пришедшие к власти, должны на самом деле быть более способны управлять данным обществом, чем те, кого они свергли; лидеры революции должны суметь достичь, по крайней мере, некоторых из поставленных ими целей. Общество, в котором движение такого рода овладело только внешними, формальными атрибутами власти, но затем оказалось неспособно к реальному управлению, не может считаться революционным. Оно находится скорее в состоянии хаоса, или ему, возможно, угрожает распад.

3. Изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса.

4. Революция предполагает угрозу насилия или его применение со стороны участников массового движения. Революция – это политические изменения, происходящие при противодействии правящих кругов, которые не могут быть принуждены отказаться от своей власти иначе как под угрозой насилия или путем его действительного применения [8, с. 568].

5. По всем этим причинам революции представляют собой наиболее характерные проявления изменений, время их свершений исключительно и, следовательно, особенно памятно.

6. Революции вызывают всплеск социальных эмоций у тех, кто в них участвовал или был их свидетелем. Это взрывы массовой активности: энтузиазм, возбуждение, подъем настроений, радость, оптимизм, ощущение силы и могущества, сбывшихся надежд, обретение смысла жизни и утопические видения ближайшего будущего [9, с. 18–19].

Распределение революций в истории неравномерно. Большинство из них связано с современной или новейшей историей. Революции, известные как «великие», – английская (1649), американская (1776), французская (1789) – открыли эпоху современности; русская (1917) и китайская (1949) положили начало периоду коммунизма, а антикоммунистические в Восточной и Центральной Европе (1989) завершили его. «Бунтарское столетие» – так некоторые историки называют период с 1830 по 1930 г. Большинство социологов единодушно во мнении о том, что если какой-либо век и заслуживает титула «век революций», так это двадцатый. Наряду с «прогрессом» и «наукой» «революция» во многом выражает сущность XX столетия.

Следует обратить внимание на один из парадоксов революций XVII–XVIII вв., который повторялся и в революциях в Восточной и Центральной Европе в конце XX столетия. Все революции начинались как реставрации, т. е. восстановление права, узурпированного старым порядком. Тем самым обосновывается исторически закономерный характер революции.

Американцы, восстав против короля Англии, хотели произвести реставрацию старых английских свобод, в которых им отказывали. Аналогичный процесс мы наблюдаем и во Франции. Неслучайно А. де Токвиль даже однажды сказал, что при рассмотрении Французской революции сначала может показаться, будто речь идет о реставрации, а не о революции. Рево-

люции в Восточной Европе также в начальной фазе проходили под знаком возвращения прав и свобод, узурпированных социалистическим строем.

Этот парадокс революций свидетельствует о том, что революции в своей начальной фазе осуществляются людьми, которые твердо убеждены, что своими действиями они не создают ничего принципиально иного, а лишь восстанавливают старый порядок, нарушенный и погрязший деспотизмом абсолютной монархии или авторитарным режимом. Они искренне верят – и это служит для них оправданием их действий, – что желают возвратиться назад к временам, когда все было так, как должно быть.

Революция представляет собой радикальный тип политических изменений, в результате которых прерывается прежняя политическая традиция и воспроизводится новая политическая система. В XX в. политика России неоднократно менялась под воздействием революций. С 1905 г. дважды – в 1917 и в 1991 гг. – произошли революционные изменения в политической системе общества, в результате которых трансформировались государственные и политические структуры, процессы и цели, затрагивающие распределение и отправление властных полномочий по управлению российским обществом.

В период революции всегда обостряется вопрос легитимности власти. Под легитимностью, как правило, понимают признание со стороны общества правомерности существующего политического господства.

Легитимность выражает тот факт, что граждане в явной или неявной форме воспринимают политическую систему как соответствующую их собственным политическим и моральным принципам, личностным представлениям об истинном и справедливом в политике [10, с. 45].

В этом плане легитимность власти и революция тесным образом переплетены друг с другом. Революция в Новое время стала синонимом легитимного способа свержения существующей власти народом. Если в предшествующие исторические эпохи в политике отрицалось право народа на бунты и восстания, то современная политика в целом признает право народа на революцию. Без признания этого права революция лишается не только доказательств ее закономерного характера, но и доверия к институтам власти, которые возникают в процессе ее осуществления.

Если революция не может убедить граждан в том, что она имеет не случайный, а закономерный характер, то тогда и процедуры господства будут иметь случайный характер, и институты власти не будут вызывать фундаментальной поддержки и высокого доверия.

Следовательно, революция завершает процесс делегитимации существующей власти и одновременно запускает процесс легитимации новой власти. Как свидетельствует история, например СССР, революция обладает большой легитимизирующей силой, действие которой может сохраняться на протяжении нескольких поколений.

Политическая революция, как правило, терпит поражение, когда она направлена против политической власти, обладающей высоким уровнем легитимности. Следствием этой закономерности является правило, согласно которому революции всегда предшествуют процессы делегитимации государственной власти. Процессы делегитимации могут происходить в силу объективных причин, например, неуклонного падения уровня жизни населения в силу неэффективного управления или поражения в войне. Но они также могут происходить и вследствие субъективных причин, например, целенаправленного воздействия политической оппозиции на систему ценностей и норм существующего политического режима с целью разрушения доверия к нему со стороны общества и порождения убеждения в социальной несправедливости [11].

Идеологическая делегитимация существующей власти всегда предшествует революции. Равно как и идеологическая легитимация лежит в основе любой социальной и/или политической революции.

В связи с этим напомним несколько мыслей А. де Токвиля о Французской революции 1789 г. В известной работе «Старый порядок и революция» он отмечал, что именно философию XVIII в. справедливо считают одной из главных причин Французской революции.

Все новые или обновленные воззрения, созданные философией XVIII в., не только стали причинами Французской революции, они составляли ее существо; это самое основополагающее, самое прочное, самое истинное из творений философии относительно времени.

Целью Французской революции, по мнению Токвиля, было не только изменить прежнее правление, но и уничтожить прежнюю форму общества, она должна была обрушиться разом на все устоявшиеся формы власти, опровергнуть все признанные авторитеты, стереть традиции, обновить нравы и обычаи и, в некотором роде, очистить человеческий ум от всех идей, на которых прежде основывались уважение и повиновение. Отсюда ее чрезвычайно анархический характер.

Идеологические алгоритмы Французской революции прослеживаются и в истории русских революций XX в. Русский марксизм начала XX в. был идеологической основой Октябрьской революции 1917 г. Он же стал и основным источником легитимности революции и установившегося вследствие нее коммунистического режима.

Социалистическая революция, во многом копируя Французскую революцию 1789 г., с еще большей яростью обрушилась на все устоявшиеся формы власти, опровергла все признанные авторитеты, включая церковь, традиции, нравы и обычаи, на которых прежде основывались уважение и повиновение. Но по иронии истории, спустя уже несколько десятилетий после революции большевики вынуждены были вернуть церкви авторитет, некоторые дореволюционные традиции и обычаи. Одной идеологической легитимности было недостаточно для того, чтобы общество поддерживало существующую власть.

В конце существования СССР идеологическая легитимность власти стала стремительно разрушаться. Все указывало на приближение новой политической революции. В обществе стала формироваться новая система ценностей и норм, альтернативная существующей. Большинство граждан относительно спокойно восприняли делегитимацию коммунистического режима и поддержали новый принцип легитимности власти – демократический. Но и он, как показывает российская практика, небезупречен.

Революции есть неотъемлемая характеристика современности. Как писала Т. Скочпол, революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу [12, с. 4].

Революции способствуют повышению эффективности социального политического порядка. Но революции все же есть радикальный и достаточно рискованный метод повышения эффективности правления. Мы согласны с позицией Сорокина, который считал, что с «чисто практической точки зрения революционный метод лечения общественных зол так дорог, что “завоевания революции” ни в коем случае не оправдывают “расходов”. Поэтому он и в этом отношении непригоден» [3, с. 34].

Менее радикальным методом «лечения общественных зол» выступают реформы. Их своевременное проведение позволяет избежать революционных потрясений. В этом

плане потенциальная возможность и оправданность революции в современной политике в принципе должна заставлять правящие элиты повышать эффективность правления, своевременно решать социальные вопросы и искать политические компромиссы. Но так происходит далеко не всегда. В тех случаях, когда элиты не способны решать стоящие перед обществом задачи, революция становится единственным, но далеко не совершенным методом решения назревших социальных и политических проблем. Склонность революции быстро решить все социальные и политические проблемы часто оборачивается образованием нового комплекса проблем, еще более сложного и драматичного, чем тот, который пытались решить с ее помощью. Опыт многих революций XX, но и XXI в. может служить хорошей иллюстрацией сказанному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 144 с.
2. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Моск. филос. фонд, 1997. 262 с.
3. Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 1998. 704 с.
4. Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. № 27. P. 5–19.
5. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
6. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 289 с.
7. Право на революцию. Разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арендт (1965) // Социол. обозрение. 2016. Т. 15, № 1. С. 56–74.
8. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2002. 704 с.
9. Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 184 с.
10. Елисеев С. М. Легитимность власти. Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе. СПб.: Полиграфстройсервис, 1996. 220 с.
11. Елисеев С. М. Новая политическая элита и легитимность власти в России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. «Политология. Международные отношения». 1995. № 2. С. 19–22.
12. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. 426 p.

V. A. Glukhikh
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

S. M. Eliseev
Saint Petersburg State University

THE LEGITIMACY OF POWER AND THE REVOLUTION

The article is devoted to the problem of the revolution impact on the government legitimacy. Revolutions in modern times have become a synonym of a legitimate way of overthrowing the existing government. If in previous historical era in politics the people's right to riots and uprisings was denied, the current policy recognizes their right to revolution. Without recognition of this right, the revolution is not only deprived of legitimacy, but also the institutions which arise in the process of its implementation lose credibility.

Revolution, legitimacy, power, regime, ideology
